ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

SEMANARIO
"NUESTRO PAIS"
Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233
TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO V Buenos Aires, sábado, 6 de diciembre de 1952 • Буэнос Айрес, суббота, 6 декабря 1952 г. № 151

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

РАСЧЛЕНЕНИЕ КРОЛИКОВ

(Продолжение. См. № 150).

Сейчас расчленительная поросль взошла в САСШ бурным чертополохом. Война вырисовывается, как неизбежность, о чем не говорят ни Сталин, ни Америка. И в войне "народ" и "партия" будут биться каждый за свои идеалы, но будут биться **вместе.** Но, так как партии, говоря приблизительно, шесть миллионов, и так как народа, говоря тоже приблизительно, сто девяносто четыре миллиона, то необходимо закамуфлировать **партию** и ставить ставку на народ. По существу именно к этому сводятся и все "реформы" данного Съезда: отодвинуть в сторону, в тень, коммунистическую идеологию и поставить на первое место национально - государственные инстинкты. Это конечно, не исключает ни дисциплины, которая ведь в конечном счете всегда является смягченным вариантом "террора", и ни террора, который в данном случае есть только гипертрофия дисциплины: со "взысканиями" не только за вину, но и безо всякой собственной вины: для устрашения.

Словом, дело идет о перестройке **тактики** в направлении к национал-коммунизму.

Знаю, очень многим такое сочетание покажется кощунственным. Но почему оно невозможно? Вот, ведь только что был в Германии национал-социализм — действительно, социализм, но окрашенный в тона крайнего шовинизма. И вот, под именно этим флагом немцы дрались до Потсдамской площади включительно. Вот, сейчас на Дальнем Востоке идет национальная война против "белых чертей", война, которую **организует** коммунизм, но которую не он вызвал: вызвали национально - освободительные движения Азии. И те же вьетнамские "коммунисты" ведут, конечно, национально-освободительную войну. Что они там в джунглях думают о Карле Марксе, я об этом и понятия не имею. Но, что они думают о французском владычестве, понять вовсе не трудно.

Таким образом, политика Америки снабжает Сталина и Ко самым необходимым материалом для постройки мирового коммунизма. Я очень боюсь, что кое-какие второстепенные материалы поставляют Америке и люди типа В. Павловича. И не только его одного.

В самом деле: если на территориях СССР обитают сплошные кролики, то почему бы их и не расчленить? Или, — если на тех же территориях обитают сплошные рабы, которые будут воевать **при любых условиях,** то, что остается, кроме атомной бомбы? Давайте, не будем говорить о стратегии вообще, однако, В. Павлович человек, повидимому, военный, и вероятно знает один из основных тезисов всякой стратегии. Обходящий всегда рискует быть обойденным. Так что, если "глубокий" прорыв, а в его тылу остаются боеспособные вражеские войска, то прорвавшаяся группа будет обойдена, окружена и ликвидирована, примерно так, как случилось с английским воздушным десантом в Голландии. А Голландия была несколько ближе к базам снабжения, чем ,скажем, Москва, и воздушные союзные силы имели полную свободу действия. Несколько раньше, почти аналогичная история случилась с конным корпусом товарища Гая, — был "обход" и обход был обойден. По признанию Ленина, он просчитался в своем расчете на внутреннее разложение Польши. Совершенно такой же просчет готов был сделать и ген. Мак Артур: вот, сейчас на корейском фронте появилась "пехота самоубийц", нагружающая себя взрывчатыми веществами и идущая на абсолютно верную смерть. А в американских лагерях для пленных эти пленные устраивают восстания. Тоже из-за рабской дисциплины?

Я, собственно говоря, совсем не знаю, кто такой В. Павлович, и как велик его политический опыт. Относительно последнего я настроен несколько скептически. Но в оправдание В. Павловичу должен сказать, что почти вся русская эмиграция действует неразумно.

Я уже несколько раз говорил о том, что исходные точки будущей войны — для Америки гораздо хуже, чем они были для Германии в 1941 г. Хуже решительно во всех отношениях. И, в особенности ,в самом важном — психологическом.

Не так давно из СССР сбежал очередной невозвращенец — г. Боголепов. Его интервьюировали и справа и слева. Выражался

El Segundo Plan Quinquenal

La palabra presidencial, al enunciar los principios generales del Segundo Plan Quinquenal, ha satisfecho con exceso la expectativa pública. Puede afirmarse, con razón, que esta enunciación constituye, en sí, un acto de gobierno verdaderamente trascedental. El pueblo, a quien se dedica el proyecto vastísimo que ha de desarrollarse en los próximos cinco años, comprende cabalmente el esfuerzo que debió realizar el general Perón para concretar su pensamiento de estadista en la planificación conocida, y alcanca, en toda su amplitud, la dimensión de su patriotismo. Detrás de los capítulos del Segundo Plan Quinquenal hay, en efecto, un sentido patriótico fervoroso, una voluntad de acero y una certera visión del futuro. No es éste un proyecto más de gobierno, una iniciativa común, aunque ambiciosa: es un dinámico programa que abarca todas las manifestaciones de la vida nacional, una enunciación de principios prácticos y una profesión de fe. En él se contienen las aspiraciones populares y las medidas plausibles, lógicas y saludables para satisfacerlas, y en todo su contenido se advierte la decisión de alcanzar, mediante la acción pujante e incansable, un estado social, económico, político y cultural digno de los argentinos de hoy y de mañana.

Todo esto resulta tan definido en el planeamiento del Segundo Plan Quinquenal, que ningún habitante del país ha podido substraerse a su influjo. Muchas oportunidades hubo, en estos años, para probar la unión entre el pueblo y su gobierno, según lo acentuamos hace algunos días. Ahora, ante la adhesión demostrada por la opinión pública a la enunciación formulada por el presidente de la Nación, podemos afirmar que el Segundo Plan Quinquenal, "del pueblo y para el pueblo" habrá de cumplirse punto por punto, en esa atmósfera de íntima compenetración y de idéntico e inalterable amor por la Patria.

***

La fervorosa dedicación del general Perón al pueblo argentino se ha puesto una vez más de manifiesto en el mensaje que remite al Congreso Nacional y que fundamenta el Segundo Plan Quinquenal. Por tradición, tal suerte de documentos se dirigen expresamente a los senadores y diputados de la Nación. Pero esta vez, por expresa disposición del primer mandatario, el mensaje está dirigido "al Pueblo" y la expresión PUEBLO, colocada en meyúscula, también por resolución del general Perón, en toda su redacción. Es que como lo manifestara el jefe del Estado en su introducción, el Segundo Plan Quinquenal es "del pueblo y para el pueblo" y nada más justo ni más lógico que él sea el destinatario del programa de gobierno que ha de cumplirse en el lapso que media entre el 1º de enero de 1953 y el 31 de diciembre de 1957 para consolidar la independencia económica y la soebranía política y dar un paso más hacia el engrandecimiento pleno de la Nación.

***

El recinto de la Cámara de Diputados presentaba al empezar la reunión de legisladores el aspecto de sus mejores días. No había literalmente un rincón desocupado; bancas, pasillos, rotonda, galerías y palcos estaban colmados de legisladores y público que ansiosamente esperaba la palabra del Líder.

Solamente había un vacío, el palco de honor del recinto, desde donde la Jefa Espiritual de la Nación presenciara tantas sesiones del Parlamento peronista, auspiciando con su presencia los principales acontecimientos que allí ocurrieron. Este augusto vacío señalaba el lugar que la ciudadanía agradecida siempre le reservará, considerando que nadie puede ya ocuparlo. Su presencia incorpórea presidió el acto solemne, como siempre, aunque ese hueco, los crespones que orlaban su retrato y la enseña nacional testimoniaran el luto inconsolable de su pueblo.

(De "El Mundo")

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РАСЧЛЕНЕНИЕ КРОЛИКОВ
(Продолжение)

М. М. Спасовский
МОРСКАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ
(Продолжение).

Борис Ширяев
ОБИТЕЛЬ ПРЕОБРАЖЕННОГО ДУХА
(Продолжение).

Глеб Томилин
ДВЕ СИЛЫ

EL SEGUNDO PLAN QUINQUENAL

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 4-ая
МОСКВА
(Продолжение)

он очень осторожно. Ответ на вопрос интервьюера "USA News", верит ли советское население антиамериканской пропаганде Советов, в "Н.Р.С." переведен так:

"Половина населения допускает, что пропаганда против Соединенных Штатов соответствует действительности".

В оригинале это сказано несколько иначе:

"Я бы сказал, что 50% **не** знают, верить или не верить советской пропаганде против Америки"

Словом, одна половина не знает верить или не верить, вторая не знает не верить или верить. А, может быть, вторая половина просто верит советской пропаганде. Тем более, что оснований для этого доверия более, чем достаточно. Кому верить?

Вот я привел фразу из речи ген. Айзенхауэра перед "Легионом" ,в которой было сказано о "кошмарном наказании России". Эта фраза была в испанских газетах, которые я получаю непосредственно, в немецкой газете из Буэнос Айреса и в русских газетах из САСШ, которые я получаю по воздушной почте. Сейчас в том же "USA News" имеется, так сказать, стенограмма этой речи И в этой стенограмме данной фразы **нет.** Что это значит? Самое вероятное: эта фраза была сказана в речи и была вычеркнута из стенограммы. Речь все-таки остается резко антирусской, но, может быть, ген. Айзенхауэр все-таки понял, что "кошмарным наказанием" бряцать не стоит. Кто его знает.

ЦЕНА ОПРОВЕРЖЕНИЙ

В "Нашей Стране" только что было приведено письмо м-ра Вильямса и мой ответ на него. Сейчас Д. Далин в "Н.Р.С." пишет:

"В моей статье речь шла о маневре, к которому на конференции в Висбадене в трудный момент хотели прибегнуть вожди пяти российских организаций: обещать независимость, но для одной лишь Грузии. Впрочем, из этого маневра ничего не получилось.

Теперь г. Вильямс заявляет, что ни Американский Комитет, ни его представители никогда не вмешивались в работу русских организаций и не оказывали на их работу никакого воздействия.

Никогда? Никакого воздействия?

Из огромного множества примеров нельзя не напомнить г. Вильямсу тот случай, когда он сам явился к делегатам фюссенской конференции, пришедшим было к полному соглашению, с телеграммою от Американского Комитета (копия имеется у меня), написанной к тому же в стиле, каким говорят с сателлитами: "Американский Комитет категорически протестует... Пар. 9 должен быть сокращен... часть нужно выбросить... Пропорция беспартийных, мы бы предпочли 1/3... Опустить последнюю фразу — это есть обязательное условие..."

Затем отозвали г. Вильямса и назначили г. Дон-Левина; методы изменились, но не к лучшему... Работа Висбаденской конференции завершилась новым, очень долгим перерывом. Причина была та, что на конференции появились группы непримиримых сепаратистов, приглашенных лично Европейским Представителем Американского Комитета".

Кому же можно поверить: конкретным заявлениям С. Мельгунова, А. Керенского, Д. Далина и солидаристов, или огульному возмущению г-на Вильямса. Мой политический опыт, само собою разумеется, неизмеримо выше опыта м-ра Вильямса, и, может быть, м-р Вильямс последует моему совету: не опровергать вещей, которые опровергнуть **нельзя.** Иначе, кроме конфуза, не получается ничего. Повидимому, м-р С. Вильямс, — может быть, и не один, — понял, что расчленительными проектами хвастаться не стоит, и, что, действительно, кроме конфуза, они ни к чему не приведут. А конфуз в данном случае может означать **катастрофу.** Впрочем, по существу идет сплошной конфуз. Америка оказалась, по меньшей мере, недостаточно политически взрослой, чтобы справиться с самыми элементарнейшими проблемами внешней политики. И даже диктатор Тито в своем интервью в "United Nations World" говорит:

"Штаты оказали широкую помощь ряду стран... но очень часто эта помощь не приносит никаких дивидентов... Некоторые американские представители (officials) усвоили себе решительный и надменный (supercilios) тон... По моему они виновны только в простой наивности. Тем не менее за их поведение оказывается ответственной Америка, теряя уважение к себе. Америка благородна. Но она способна терять симпатии из-за мелочей".

Не только из-за мелочей. Продажа Китая, выдача ген. Власова, уступка западных сателлитов СССР никакими мелочами, конечно, не были. Еще меньшей мелочью являются планы расчленения России.

Хочу еще и еще раз сделать оговорку. Расценивая эти расчленительные тенденции, я вовсе не исхожу из моего личного представления, или симпатии, или единонеделимости. Что касается меня, я предпочел бы любое временное расчленение сталинской мировой победе. Хотите Украину — пожалуйста, забирайте. Хотите Черемисию — пожалуйста, забирайте Черемисию, Все равно — через пять, или через десять лет вам придется уйти и, может быть, у д а с т с я уйти. А победа Сталина в мировом масштабе может означать какие-то **века.** Но рядовой рязанский Иван будет драться даже и за Украину. Будет драться и полтавский, и гродненский, и томский, и тифлисский. Я это з н а ю . Знает это и такой мой политический антипод, каким является меньшевик Д. Далин, Тот пишет ("Н.Р.С.", 30.7.1952):

"Я старался, в частности, и раньше всего для самого себя, найти ответ на вопрос, сильны ли сейчас национальные антагонизмы в Сов. России и играет ли лозунг "отделения" большую роль. С полной уверенностью могу сказать, что, по ряду исторических причин, сила этих антагонизмов сейчас не велика и что вообще "национальный вопрос" не играет внутри страны той роли, какую ему искусственно придали заграницей".

Я бы сказал несколько точнее: не играет вообще никакой роли. Однако, Д. Далин, как истинный демократ, понимает и то, что "техника демократии", при наличии оккупационных войск, может дать л ю б ы е результаты.

"При этом техника отделения будет самая усовершенствованная. "Национальные движения "и "плебисциты" будут применены, — подобно тому, как 34 года назад императорская Германия и императорская Австро-Венгрия отделяли в России "национальные территории "во имя национального самоопределения, а кое-где (на Кавказе) устроен был и плебисцит.

Принцип национального самоопределения входит в состав железного фонда всякого демократического движения Но нельзя допускать злоупотребления этим принципом или злую насмешку над ним. Российские политические группы должны снять с себя ответственность за политику, коренным образом противоречащую интересам народов России; этим путем они быть может восстановили бы свой престиж, который пал за эти последние годы."

Н е т этих "антагонизмов". Все срасталось и до революции, а революция еще больше ускорила процесс этого срастания. Иногда сепаратистские разговоры доходят до форменной нелепицы: вот тот же пресловутый полк. Токаев, обрушивая все свои чернильные молнии на голову великорусского империализма, пишет о том, что Сталин хотел бы видеть своим преемником маршала Булганина, но против Булганина выступают Берия и Микоян. Вот вам и здравствуйте: великорусский империализм, которым распоряжаются Сталин, Берия и Микоян. Которые не пускают великоросса Булганина.

Но, конечно, все эти доводы для американцев мало рентабельны. Как совершенно не рентабельны все призывы к благородству характера и к прошлому русско-американских отношений. Конечно, можно было бы сказать, что м-р Чэпман, выступая на конгрессе украинцев, говорил форменный вздор: что юг России воссоединился с севером России путем голосования на Переяславльской Раде, без единого выстрела ,а юг Штатов был воссоединен с севером путем кровопролитной четырехлетней и очень жестокой завоевательной войны, — но ведь Иловайские существуют не только в России!

Единственный довод, который, может быть, может действовать, сводится к тому, что расчленение России американцам вовсе не нужно, что из этого расчленения все равно не выйдет ничего, но, что эти проекты будут стоить новые тысячи миллиардов долларов, новые миллионы американских жизней, и что они угрожают Америке п о л н ы м разгромом.

Поэтому В С Я русская эмиграция от Д. Далина до Н. Чухнова должна бы занять позицию **абсолютной** непримиримости ко всяким расчленительным проектам Никто из эмиграции **не имеет права** рисовать сегодняшнего человека России кроликом, лишенным всяких национальных чувств, ибо потом эти кролики ответят Сталинградами и Берлинами.

Мы должны требовать и добиваться того, чтобы от лица "свободного мира", а не только Америки, было бы сказано ясно, твердо и торжественно: мы воюем для того, чтобы нас самих освободить от страха перед коммунистической экспансией, а до ваших внутренних дел нам никакого дела нет — устраивайтесь, как хотите Мы признаем границы России 1939 года и мы ничего не собираемся ни отделять, ни расчленять.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭМИГРАЦИИ

Что же касается "престижа эмиграции", то он, конечно, упал. Но, собственно говоря, когда же он стоял высоко? Русская революция была начата справа и углублена слева. Русская эмиграция состоит из людей, которые строили революцию "по винтику, по кирпичику" от распутинской легенды до разгона Учредиловки, или из массы, как-то подчиненной всем этим строителям. Нет, "престижа" не было никогда. Это только сама эмиграция, и левая и правая, тщательно убеждает самое себя во всяких своих политических добродетелях. Однако, мы должны быть справедливы: если политических добродетелей в старой эмиграции оказалось не так уж много, — это, несмотря на ее культурность, есть результат всего предшествующего исторического развития, то все свои принципы эта эмиграция держит твердо. Я очень боюсь, что некоторая часть новой эмиграции к каким бы то ни было принципам относится весьма снисходительно.

Между моим **побегом** из СССР и **эвакуацией** г. г. Павловичей из оккупационных зон прошло около восьми лет. Совершенно не-

вероятно, чтобы народ, которого не могли переделать ни триста лет татарского ига, ни полтораста лет крепостного права, мог бы так катастрофически измениться за эти в о с е м ь лет. После побега я написал об СССР три книги. Им не повезло: они вышли почти перед войной, а после объявления войны их во всех странах конфисковали союзники: эти книги были, де, направлены против одного из союзников. Были направлены. Но это были **честные** книги. Я вовсе не рисовал себя этаким геройским столпом, стоящим над болотом кроликов и рабов. Я жил, как жили все: иначе жить было невозможно Все халтурили и я халтурил. Все воровали и я воровал. Перебирая в памяти моих знакомых, и тех, о которых было написано, и тех, о которых не было написано, я и сейчас возвращаюсь к моей старой концепции: в борьбе между властью и народом уперлись друг в друга лбами две **колоссальные** силы, и горе будет тому, кто сумеет их объединить **против** себя. Гитлер — сумел. Но Гитлер был **действительно** силен. Америка — **слаба.** И как бы ни было тяжело или рискованно, мы о б я з а н ы , — по мере нашей возможности, — предупредить ее об этом. Союзники Америки — это беспорядочная т о л п а правительств, разъединенных и внутренними и внешними противоречиями: одна франко-германская канитель чего стоит! Союзный штаб, заседающий в Париже под председательством ген. Риджуэя, это только "немного больше чем маленькая плановая организация, без командных прав. Всякое государство командует своими собственными силами и практически имеет право вето" ("USA News" — от 19 августа с. г. стр. 14). Какие уж там "г л у б о к и е п р о р ы в ы " ?

Я боюсь, что **часть** новой эмиграции, в погоне за марками, франками и долларами, в перебежках от гитлеризма к католицизму и американизму вводит в заблуждение иностранное общественное мнение. А отчасти — и русское Все эти Коряковы и Павловичи, с их кроликами и рабами, подсовывают Америке фантастическую информацию и провоцируют Америку на фантастические планы. Кролики? Были ли кроликами защитники Севастополя и Сталинграда? Из кроликов ли состояла Власовская Армия? Из кроликов ли состояли Красновские формирования, которые прикрывали отступление уже разгромленных немецких частей? Прорывы? Как их реализовать, оставляя в тылу боеспособные красные части? Разгром центров террора? Где эти центры? В 1941 г. Москва была эвакуирована. Куда передвинулся главный центр террора? В Саратов? В Челябинск? В Читу? Все это сплошная фантастика.

И вот, сейчас Сталин уже передвигает свою ставку на "национальные интересы" Азии и Европы, и вот, тоже сейчас, Франция не может договориться о 12-ти немецких дивизиях, Америка — с Францией о кредитах то ли в 500, то ли в 650 миллионов долларов, французов бьют даже и вьетнамцы, Средний Восток — в сплошном пожаре, Испания не признана, Европа сокращает темпы вооружений. Самое время для стратегии глубоких прорывов!

Благородство демократий, твердость их обещаний, незыблемость их политики и стройность их бюрократии — мы у ж е испытали Испытали все это и миллионы людей, выданных Сталину Совсем недавно в белой горячке предвыборной кампании почтенные американские деятели делили шкуру медведя, который вовсе не гуляет по лесу, а оттачивает и зубы и когти И то и другое он показал в 1942—45 г. г. Теперь время для деклараций, даже самых дружественных, уже п р о ш л о . Теперь время для р у с с к о й а р м и и , а не для очередной перековки м-ров Вильямсов Положение может спасти только она — эта армия. Пусть она будет мала, пусть она будет недостаточно обучена, но ей нужно дать максимум внимания и заботы. И нужно официальное и торжественное заявление в с е х антикоммунистических государств мира: дело идет о ликвидации коммунизма, а не о ликвидации России. Иного выхода нет.

Заявление такого рода, конечно, не переманит на "свободную сторону все сто семьдесят девять дивизий, но семьдесят оно переманит почти наверняка, то есть **раздробит** фронт. Пока этот фронт не будет разгромлен, никакие прорывы В. Павловича не помогут ничему. Как ничему не помогли бы и прорывы ген. Мак Артура: сейчас в Корее и "около нее" почти 700.000 союзных войск и они, наткнувшись на **национально-освободительную** войну, топчутся на месте. В Америке нашлись все-таки разумные люди, которые из прошлых проигрышей сделали кое-какие выводы для настоящего: расширение войны в Корее и в Китае, — в данный момент, при данном состоянии вооружения, и при данном международном положении — было бы для свободного мира катастрофой. Мы можем надеяться на то, что теперь, после выборной горячки, наступит период спокойного обсуждения положения Америки, Мира и России, и что это спокойное обсуждение приведет к разумному решению. Но мы, русская эмиграция, должны понять и нашу собственную ответственность за это будущее решение: не бегать за долларами, не сидеть на совете м-ра Вильямса и не болтать вздора о рабах и о кроликах.

Все, что я пишу ,не пахнет никаким благоволением со стороны м-ров Вильямсов и Донов Левиных. Однако, "Наша Страна", при всех ее прочих недостатках, находится в особом положении: это, может быть, единственный **независимый** орган зарубежной печати. Мы не зависим ни от каких долларов, ибо мы их не получаем, мы не зависим **от рынка,** ибо я не имею **нравственного** права считаться ни со вздором о Керенском Адлере, ни с легендами о нечистой силе, ни с благородством Лиенца или Платлинга. Вопрос сейчас не в "полемике": медведь, шкуру которого так безболезненно поделили по радио, сейчас самым усиленным образом занимается оттачиванием своих зубов и своих когтей — и технически и политически. И если об атомных бомбах, водородных бомбах, европейских договорах и вооружениях разглагольствуют все репортеры мира, а Америки, в особенности, то о военных приготовлениях СССР мы можем только догадываться. Кроме того, Сталин совершенно точно знает, что делается у демократий, демократии и понятия не имеют о том, что делается у Сталина.

Директор Толстовского Фонда м-р Блэр Тэйлор сказал на собрании **памяти** ген. А. Власова:

> "Я хотел бы, чтобы вы помнили все это, и уяснили себе самим, почему власовская армия была сначала причислена к врагам Соед. Штатов, а затем это обвинение было с нее снято
>
> Вы никогда не должны забывать, что американцы очень мало знают о русской действительности, о России, Советском Союзе, царизме, лениниз ме, сталинизме, троцкизме, а также о разнице между большевиками, меньшевиками и свободными людьми Во всем этом им трудно разобраться; только сейчас начинается некоторое прояснение в понимании американцами России
>
> Вы, находящиеся в этой стране ,несете на себе **великую ответственность:** вы обязаны как можно шире разъяснять все, что касается вашей родины, и в то же время стараться **помочь нам исправлять наши** несовершенные законы, личным участием и личной энергией стараться добиться нужных результатов, больше полагаясь на непосредственное общение с американцами, чем на публичные с ними встречи.
>
> Справедливо почтить память Андрея Андреевича Власова и всех тех, кто до него, начиная с 1917 года, боролся против большевизма, но еще важнее найти новых людей, создать новых вождей, которые могли бы в будущем продолжать дело Власова"

Вот это — честное признание. И мы, знающие СССР, обязаны так же ч е с т н о ответить на него **Нельзя** дезинформировать американское общественное мнение проектами "глубоких прорывов", или "кроликами с прижатыми ушами" Знаю, это **оплачивается,** — в данном случае я не говорю о В. Павловиче. Но — что уж там скрывать: с волной новой эмиграции за границу прибыли и герои и кролики, и обыватели и прилипалы, вот те, кто липнет к любой валюте, какая им кажется достаточно стабильной. Есть в СССР и такой сорт людей — где его нет? Его огромное преимущество заключается в том, что он говорит **приятное:** говорил немцам, говорил французам, говорит американцам Но кто же будет оплачивать **неприятные** истины? Это тема стара, как сотворение Мира, но она вечно остается юной.

***

Сегодняшняя тема заключается в том парадоксальном положении, что без русской армии в с е р а в н о не выйдет ничего После **фактов** — никакие декларации не помогут Русская армия будет первым фактом, который докажет реальную готовность "Запада" сбросить коммунизм и не пытаться ликвидировать Россию. Других способов Н Е Т . Мы, русские антикоммунисты, желаем поражения **коммунизма.** Но, если бы я сказал, что я, кроме того, желаю и поражения России, то всякий разумный американец имел бы полное право считать меня или лжецом, или предателем. Разговоры о кроликах и рабах есть разговоры провоцирующие **разгром России.** Но, **так как этот разгром невозможен,** то это означает провокацию разгрома Америки То есть, и нас с В. Павловичем.

Русская армия есть **единственное** спасение. Пусть она будет мала — Корниловская была только горсточкой. Пусть она будет недостаточно квалифицированной — Корниловская в своем большинстве состояла из студентов и гимназистов. Но она будет носительницей **знамени,** и она будет гарантией против того, что какие-то Доны Левины попытаются что-то расчленять. Будут рассчитывать на кроликов и попадутся в удавьи кольца.

Иван Солоневич.

"КНИГА — ПОЧТОЙ"

Техническая литература. Учебники. Словари. Классики. Беллетристика. Детские книги. Газеты и журналы.

Книги высылаются в любой пункт Аргентины и другие страны. Заказы по почте высылаются по получении стоимости книг и двух песо на пересылку.

На ответ прилагать марки. Требуйте каталоги.

Почтовый адрес:
M. Tamarzeff
San Martín 344
Villa Ballester, FCNGBM

По вторникам и четвергам с 6—9 часов вечера книги продаются в библиотеке Русского Дома в Бажестере, Каже Сан Мартин 344.

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Хозяева

РУССКАЯ СКАЗКА

Обложка и рисунки в тексте ЮРИЯ СОЛОНЕВИЧА

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

Цена — Ам. долл. 1.—
В Аргентине — Песо 15.—

Отзыв автора:

"Самое уютное, что я когда бы то ни было написал".

В ПРОДАЖЕ
у всех представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья
Иван Солоневич
ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ
Цена 2 доллара

***

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
ч. I. Основные положения
Цена 1.50 долл.

***

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
ч. 2. Дух народа
Цена 1.50 долл.

***

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
книга профессора М. В. Зызыкина
ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.
Цена 4 ам. долл.

Заказы адресовать:
Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina
или представителям "Нашей Страны" на местах.

***

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

***

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции.

***

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

Борис Ширяев

Обитель Преображенного Духа

(Продолжение).

Упал вечевой колокол, сорванный грозной рукой Московского Царя. Он — временный, земной, человеческий. Но пели свою горнюю песнь звонницы Святой Софии. Они — вечные, Божеские. Им отзывались из ясной озерной глуоины незримые колокола Преображенного града Китежа, им вторили деревянные била первого храма Соловецкого, сложенного из валунов и нетесаного бурелома, во имя Светлого Преображения. Алчущая и жаждущая преображения Духа своего Святая Русь пела хвалу Создавшему горы и дебри, моря и океаны, Сотворившему человека по образу и подобию Своему.

Светлого Преображения Духа искали на Соловках святые ушкуйники. Потому и главный собор был воздвигнут там во имя Преображения Господня.

***

Жития Соловецких Святителей не были записаны их современниками. Обитель была еще убога и бедна и вряд ли было много в ней тогда иноков, изрядно знавших книжную премудрость. Да и те, кто был ею умудрен, не могли отдавать своих сил письму. Труд и молитва, молитва и труд поглощали их дни и ночи.

В труде спасаемся! Таково было первое и неизменное правило устава Соловецкой обители, не потерявшее своей силы до последних ее дней, в честь чего и пятиярусный иконостас Преображенского собора был украшен золотыми резными пчелками — Божьими трудницами, хотя пчел на острове нет, нет там и взятка для них — лето коротко, единственный куст сирени перед палатами архимандрита зацветает лишь в августе.

В каком году основана Соловецкая обитель, теперь угадать нельзя — нет и о том записи. Жития ее Первосвятителей повествуют скупо и кратко о том, что жил в пустынном полуночном краю, на Выг-реке, в месте, и теперь зовущемся Сорокой, старец по имени Герман. Им была построена там, вероятно, первая в этом далеком краю часовня, но был ли он пострижен — неизвестно. Знаем лишь, что жил он праведно, в повседневном посту и молитве. Этим и прославился среди местных рыбарей-поморов, в большинстве тогда еще язычников. Эти поморы приплывали в Сороку лишь летом. От них Герман узнал о далеком острове, на котором они сушили и вялили свой улов. На берегу этого острова была их летняя стоянка. Отсюда пошло ему имя — Соловцы: по морю кружили л о в ц ы, а на острове ждали их подручные — с о л о в ц ы.

Знаем, что после многих лет пустынножительства старца Германа к нему пришел инок Савватий. О нем известно больше. Он уже принял ангельский чин в суровом Кирилло-Белозерском монастыре, но даже великая строгость устава этой обители не насытила его жаждавшей духовного подвига, искавшей близости к Господу души.

Он пришел к Герману на Выг-реку и увлек его дальше на полночь, на остров, о котором они слышали от рыбаков.

Тяжела была жизнь на этом острове. Две семьи поморов, последовавшие по обычаю того времени за пустынножителями, не выдержали ее и вернулись. Ослабели и сами старцы. Первым ушел на Онегу Герман, а потом, впав в немощь, отплыл на ладье и Савватий к часовне на Выг-реке. Чувствуя близость смерти, он хотел предстать перед Господом убеленным Святым Причастием, и внял Милосердец его молитве. Нежданно-негаданно прибыл в Сороку какой-то Белоозерский монах, со Святыми Дарами и с ним новгородский торговец Иван. Монах причастил и напутствовал Савватия, а на следующий день похоронил его в вырытой Иваном могиле.

Герман же поставил свою убогую кельницу на Сумреке и туда к нему прибыл Зосима.

О нем древние записи повествуют много больше. Почему — понятно: видный был он и до ухода в пустыню человек, новгородец, воин, владевший землями в селении Товуй, на берегу Онежского озера. По батюшке звался Гавриловым. Значит, известного, знатного в Новгороде рода был и, как многие его сограждане в то время, побороздил уже на ладье-ушкуе воды великих полуночных рек.

К их водам он вернулся и теперь, раздав сирым и нищим все свое имение, отрешившись от суетного мира, но еще не иноком. Вернулся и, алча духовного преображения, внимая зовам незримой Софии-Премудрости Божией, пошел дальше на север, увлекая с собой уже престарелого Германа.

Приплыли на Соловки и воздвигли на берегу Светлого Святого озера первый там храм во имя Преображения Господня. Был тот храм "скуден и убог", повествует житие...

Я знаю, я видел то место, где этот храм был воздвигнут и он рисуется мне так...

... —спокойная, ясная, несказанно-ясная гладь озера. Стена дебри на противоположном его берегу еле заметна своей темносиней каймой. Вековые густые ели укрывают своими лапчатыми ветвями эту храмину-землянку. Безусловно землянку. Что иное мог построить один Зосима? Ведь Герман был уже стар и немощен. Топор у них, вероятно, был, но пила навряд ли. Гвоздей, безусловно, не было. Чем же иным мог быть этот храм, как не землянкой, покрытой еловыми ветвями и кусками сухой смолистой коры? Но эта землянка была храмом Господним, и над входом в нее высился символ подвига — крест, вырубленный, необструганный, блиставший тоже смолистыми каплями.

В храме двое в истертых овчинных тулупах. Один — древний старец. Это Герман. Другой — в цвете лет — Зосима. Он силен. Потом, через десять и двадцать лет, он еще сможет выгребать против течения и тянуть свой струг на волоках по пути в Новгород.

Иконостаса в этой церкви нет. Может быть висит одна иконка, принесенная из часовни на Выг-реке. Нет в нем ни антиминса, ни церковной утвари. За ними пойдет Зосима в Новгород, когда на остров притекут еще пять-шесть человек, ищущих преображения в подвиге пустынножительства.

Именно в этот второй приезд Германа на остров уже с Зосимой, а не с Савватием ,его ладья, по преданию, и вернулась к материку. Значит, Зосиме, тогда еще даже не принявшему ангельского чина, было указано заложить вековечную обитель.

Пострижен же он был позже, когда пришел в Новгород просить у архиепископа Ионы игумена в уже созданный им монастырь. Этот игумен был послан, но он не смог выдержать тяготы подвига и вернулся. Не выдержал ее и второй, тоже присланный из Новгорода, и лишь тогда, по настоянию братии, Зосима решился принять на себя бремя власти, снова пошел в родной Новгород и был там рукоположен.

Можно предполагать, что именно то, что два первые, посланные из Новгорода игумена не смогли выдержать тяготы Соловецкого пустынножительства, разом возвеличило в глазах новгородцев подвиг Зосимы и его личность.

Житие повествует о том, что именно в эту поездку "лучшие люди" еще мощного и богатого Господина Великого Новгорода осыпали мало известную до того времени убогую обитель множеством драгоценных даров. Но одновременно этот монастырь, возникший в далеком, богатом пушниной, морским зверем и "рыбьим зубом" (клыками моржей — ценным товаром того времени) крае, привлек жадные взгляды сильнейшей тогда в республике партии сторонников Марфы Борецкой, чем и объясняется то, что эта гордая купчиха-боярыня сначала не пустила прибывшего Зосиму даже к себе на двор.

Чтобы охранить, защитить созерцательный покой ищущих преображения духа. надо было бороться. Но эта борьба была трудна для игумена Зосимы. Тяжба нищей братии, затерянной в полуночных льдах обители со знатнейшими купцами-боярами выносится на решение веча, и лишь тогда по воле в с е х людей новгородских Святитель Зосима получает грамоту на владение островом, подписанную посадником, тысяцким и головами всех пяти концов Господина Великого Новгорода.

Гордая Марфа, презиравшая Святителя до решения веча, просит теперь у него прощения, жертвует богатый вклад и зовет подвижника к себе на богатую трапезу.

Святитель приходит на пир, и тут происходит первое чудо его провидческого озарения: шестерых из сидящих за столом знатнейших бояр он видит обезглавленными, устрашается и рыдает, угадывая кару Господню погрязшему в грехе стяжательства и сребролюбия его родному городу. Чудо повторяется и на следующий день, на другом пиру у боярина Памфилы. Прозорливец предостерегает его, и уверовавший Памфила спасается,

приняв постриг в Кирилло-Белоозерском монастыре. Там он и записывает это событие. Туда же приходит и похоронивший святого Савватия на Выг-реке купец Иван, который сообщает о местонахождении могилы подвижника. Белоозерский игумен осведомляет о том Соловецкого. Иноки разыскивают могилу и находят в ней нетленные мощи.

Столь же нетленными пребывают они и до сих пор. Пишущий эти строки видел их без покровов в антирелигиозном музее Соловецкой каторги и поклонился им, извлеченным тогда из праха, среди мерзости и запустения полуразрушенного, обезглавленного Преображенского собора.

—Рухнула земная Русь, Третий Рим, — думал он тогда, — но нетленен Дух ее. Вот символ. Знамение, данное нам Господом. Пусть грязные, окровавленные руки святотатцев срывают с Тебя, Дух, земные покровы, но Ты нетленен и жив в веках. Никто и ничто не в силах убить Тебя. Что из того, что нечестивцы пытались спалить огнем Твой храм, но Лик Пречистой Заступницы все же сияет на обгорелом древнем иконостасе. Сияет и будет сиять своей неземной красотой. Оборвутся наши жалкие земные жизни, но по неизреченной милости Того, Кого вижу на Твоих руках, Пречистая, придут новые жизни, омытые кровью и очищенные молитвами праведников...

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений . .

Кто сможет обозначить грань между творческим пафосом поэта и святым прозрением пророка? И одно, и другое — дары Господни.

Возникнет праведная Русь!

Та Русь, которую утвердил на этом диком острове тот, чьи нетленные мощи пережили заложенную им обитель, молитвенный приют многих поколений Святой Руси.

Я за нее одну молюсь
И верю замыслам предвечным . . .
Она мостится на костях,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах . . .

***

Первое пророчество Святителя Зосимы сбылось. В последние годы его игуменства на остров пришла весть о кровавом побоище на Шелони, а за ней и другая, еще более грозная: Белокаменная Москва одолела Великий Новгород. Сломлена его гордыня, замолк вечевой колокол, "лучшие люди" перебиты, пленены, угнаны в дальние края.

Нет больше Господина Великого Новгорода. Нет и Соловецкой пустыни, Полуночной Новгородской волости, но живет и крепнет, северный оплот Всея Руси — Соловецкая обитель.

Цари Московские не только не отняли владений Соловецкого монастыря, дарованных ему Новгородским вече, но подтвердили вечевую грамоту своею Печатью Большого Царства и добавили к ним многие ловы рыбы и морского зверя по всему Беломорью, вотчины Конда-острова и Кемского берега.

Последний Царь Рюриковой крови, праведник на престоле Третьего Рима, "собинно" возлюбил обитель в Полуночной стране и всем сердцем рвался посетить ее. Не пришлось: слаб был здоровьем царь Федор, но в его недолгое царствование радением брата царицы Бориса Годунова были воздвигнуты стены Соловецкого кремля, мало чем уступавшие по длине Московским, а крепостью, может быть, и превыше их.

Дивные эти стены. Словно каменная книга они. Книга, рассказывающая о многих устремлявшихся к Соловецкой обители людях. Смотрящему на них т е п е р ь непонятно, как могли их воздвигнуть т о г д а ?

Их основа — полоса сажени в три вышиной — сложена из огромных валунов-монолитов по 3—4 метра в диаметре и лишь верх стены да зубцы кирпичные.

Б. Ширяев.

(Окончание следует).

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур, сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир.

●

"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ 'НЕНАСТОЯЩЕГО' СОЦИАЛИЗМА"

Б. Башилова

и другие книги Б. Башилова можно выписывать от автора:

B. Bashiloff,
San Martín 344,
Villa Ballester
F.C.N.G.B.M.
Argentina.

что вообще нужно было наконец модернизироваться: пересесть с "птицы тройки" в "черный ворон". Но и при этой — с научной точки зрения вполне понятной установке, можно было все-таки написать какую-то ч е с т н у ю эпитафию тому государственному строю, который оставил своим наследникам одну шестую часть суши, двести миллионов чрезвычайно талантливого и боеспособного населения, провел страну над могилами и Батыев и Наполеонов, провел великую и бескровную революцию 19 февраля 1861 г., каким-то научно-непонятным образом имел самый крупный в мире "общественный сектор народного хозяйства" и самую яркую в мире литературу. Можно было бы ожидать, что наследники сегодняшнего дня и кандидаты в наследники вчерашнего вспомнят своего наследодателя хотя бы добрым словом.

Российская "общественность" хоронила старый русский государственный строй лет сто подряд. Заранее делила ризы его и о наследстве его бросала жребий. Когда монархия была убита, наследники перепились, передрались и стали бить стекла. Пока что, пропито и перебито: миллионов пятьдесят русских людей, русская литература, русская кооперация, русские кони и коровы, а так как пир победителей и наследников еще не кончен, то и окончательных итогов еще подводить нельзя. Но об одиннадцати веках русского государственного опыта некоторые итоги можно было бы подвести еще и до революции. Они подведены не были.

Я снова вернусь к Ключевскому: это самый умеренный из наших историков. Он — по марксистской формулировке — "завершает собою буржуазную историографию", но его издает и Госиздат. Он, кроме того, единственный историк, которого цитируют иностранцы, пишущие массовые книги о России или об СССР. Кроме всего этого, он все-таки самый умный из русских историков. Это не очень блестящий комплимент, но все-таки...

Я еще раз сошлюсь на его истинно классическое определение того русского дворянина, который все

чисто логически и как во всяком чисто логическом, то есть отвлеченном, рассуждении, рискую притти к произвольным выводам. Но, когда я пытаюсь представить себе психологию "наместника" середины XVII века, то е г о ход мыслей мне кажется довольно ясным и естественным.

В самом деле: местничество уже ликвидировано и разрядные книги сожжены. Царская власть намекает самым недвусмысленным образом: теперь уж разговор будет итти о "дородности головы", а не о породе. Армия перестраивается на стрельцов, рейтаров и пушкарей, и прочих — значит, отпадает государственная необходимость давать дворянину поместье, с которого он мог бы появляться на фронт "конным, людным и оружным". И кони, и люди, и оружие заготовляются государственным путем, как государственным путем вербуются и новые бойцы русской вооруженной силы "даточные люди". Дворянин чувствует приближение времени, когда он, как дворянин, в аппарате вооруженной мощи государства станет чеховским "лишним человеком". С низов прет "губной староста" и прочий всесословно избранный люд, который столь же недвусмысленно, как и царская власть, намекает на то, что вот — еще несколько лет или десятков лет — и мы и в администрации без дворянина обойдемся. Так — куда же деваться мне, рюриковичу, князю и пр.? Итти на "тарифную ставку" — так меня, пожалуй, тут обойдут всякие разночинцы? Терять свое поместье — так чем же я буду жить? В Смутное Время приперли поляки, которые всем своим бытом подсказывали выход: вот, при наших порядках, — аз есмь пан ,а быдло есть быдло. И никакой там король ничего сделать не может: золотая вольность.

Повторяю: никаких документальных доказательств такого настроения у меня нет. Но, просто, по человечеству, такого хода мыслей не могло не быть. В самом деле: со всех сторон "породу" выпирают: из разрядных книг, из армии, из администрации — куда же деваться? И как сохранить свой прежний и свой привычный образ

М. М. Спасовский

Исторический набросок.

Морская политика Московских Царей

(Продолжение).

Царь Иоанн III (1462—1505), фактический создатель Московского Государства, — через семь лет после свержения татарского ига поднял в 1487 году вынужденную войну со шведами и взял город Нейшлот, а в 1492 году против шведской Нарвы построил крепость Иван-город, которая, правда, вскоре была взята шведами, но взятие нами Нейшлота и постройка Иван-города говорят о стремлении Москвы укрепиться на берегах открытого моря.

Но ярче всего это стремление выразилось в делах Иоанна IV Грозного, который значительно полнее своих предшественников по Московскому престолу понимал значение моря в дальнейшем культурном и экономическом развитии Московской Руси и больше других сделал в этом направлении.

К этой цели своей Иоанн IV подходил медленно, набирая опыт, взвешивая возможности и изучая сложившееся вокруг Москвы военно-политическое положение. Прежде всего Царь учел значение речных судов при перевозке тяжестей для осады Казани. Именно этот опыт позволил ему в 1555 году свою 30-титысячную армию спустить на судах вниз по Волге, осадить Астрахань и в следующем году овладеть всем царством Астраханским.

Этот опыт подсказал Иоанну блестящую в стратегическом отношении речную операцию по охвату обоих флангов шедшей из Крыма на Москву громадной армии крымского хана Девлет Гирея. Иоанн соорудил две речных флотилии. Одна, западная, под командою дьяка Ржевского спустилась на судах по Сейму и Десне в Днепр, разорила Ислам-Кермен (Бериславль) и взяла Очаков. Вторая, восточная, под командою дьяка Чулкова спустилась на казацких судах по Волге, в известном узком месте перешла на Дон и, спустившись к Азову, разбила татарские войска.

Эти две операции московских воевод, совершившиеся одновременно и как клещами охватившие шедшую на Москву армию Девлет Гирея, так напугали последнего, что хан прежде всего приостановил дальнейшее продвижение на север своей армии, а затем повернул обратно в Крым.

Блестящие результаты этих речных походов побудили Иоанна не только повторить осаду Азова, но и спуститься в Черное море, — он это и сделал в 1558 году. Князю Вишневецкому был дан приказ с пятью тысячами казаков спуститься на судах по Дону и прощупать Азов и его окрестности. Татары, никогда не имевшие дела с водою и меньше всего ожидавшие появления русских со стороны рек, не смогли оказать должного сопротивления и множество улусов под Азовом было разорено, захвачена была богатая добыча и даже наиболее "интересные" пленные.

В то же самое время шел тот же маневр несколько западнее, только более налаженный во всех отношениях и с более серьезными заданиями. Известному Алексею Адашеву Царь поручил с восемью-тысячным войском, где около трех тысяч было запорожцев, спуститься на судах по Днепру в Черное море и там "погулять". Суда у Адашева были "изысканные", хорошо оснащенные, годные и для рек и для прибрежного плавания по морю. Долго гулять в Черном море Адашеву не пришлось. Вскоре он встретился с турецким флотом и... разбил его. И не только разбил, но и захватил два турецких корабля.

Это была первая морская победа русских над турками.

Две недели Адашев громил Крымское побережье, главным образом, западные и южные берега, разбивал все укрепленные пункты и поселения и освободил из плена большие толпы русских и литовцев.

Речные походы Вишневецкого и Адашева совершенно расстроили планы Крымского хана, уже наладившего было посылку своего ста-тысячного войска на грабеж Москвы. Пришлось не только отменить поход, но и послать мирное посольство к Иоанну. Царь принял крымских послов торжественно, но холодно, и в ответ на заверения послов о мире, насмешливо улыбаясь бросил фразу о том, что "теперь русские люди узнали дорогу в Крым и полем и морем..."

Все эти речные и морские операции Иоанна касались юга России и они не были главными. В центре внимания Царя находился север, — его интересовала Ливония. Владения Ливонского ордена от Немана тянулись к северу широкой полосой вдоль Балтийского моря и Финского залива и включали в себя три главных порта — Ригу, Колывань (Ревель) и Нарву.

Царь прекрасно понимал, что по своему положению у моря Ливония является очень важной для Москвы не только для торговли с Западом, но, главным образом, для прибытия оттуда "мастеров и художников". Ливонские купцы и их наемные "рыцари", в союзе с Польшей и Литвой, боясь усиления Москвы, всячески мешали ,с одной стороны, русским людям выйти к морю, а, с

жизни? Работать дворянство не хотело — в середине XVII века, как и в начале XX-го: "Дай Бог великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать", это был бытовой лозунг семнадцатого века. "Зачем дворянину география" — это был лозунг восемнадцатого. "Культурный досуг" — было лозунгом двадцатого. Разница невелика.

"Россия в чреве растила удар", — говорит Сельвинский по несколько другому поводу, — по поводу Октябрьской революции. Московская Русь тоже "расти ла удар" и к нему готовилось погибавшее дворянство. Эта точка зрения доказуема лишь с большим трудом, но если мы ее отбросим, то успех Петровской Революции будет совершенно необъясним. Если мы отбросим ту же точку зрения на дворянство 1916 года — то так же будет необъяснимо падение монархии: революцию устроили не Ленин со Сталиным, — революцию начали дворянские круги Петербурга, но только на этот раз сильно ошиблись в рассчете. И именно от дворянской оценки идет все то, что нам говорили и о Москве, и о царях, и о свободах, и о прекрасной "деве революции", которая заменит наш непросвещенный абсолютизм самым что ни на есть просвещенным народовластием.

Вот это "народовластие" мы с вами и расхлебываем до сих пор.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ.

В числе прочих сокровищ, которые русская эмиграция накопила или должна была бы накопить за тридцать лет своих скитаний по всему лицу современного земного шара, имеется живой опыт всех современных конституций, хартий, государственных прав и личного бесправия. Можно опасаться, что ощущение личного бесправия несколько заслонило от нас те выводы, которые мы могли бы сделать из всего стройного и мощного сооружения государственных прав во всех их разновидностях. Этот общий вывод, с некоторыми в общем незначительными поправками, мог бы свестись к тому, что все эти научные конституции кое-что делали — до тех пор, пока делать было собственно нечего. Когда жизнь как-то текла своим чередом и когда вопрос о том, будет ли сидеть на посту премьер министра Иванов или Сидоров имел только чисто зрелищный интерес: очень это ловко Иванов подставил подножку Сидорову... Но в тот момент, когда история ставила перед этими конституциями какие-то реальные и жизненные задачи — конституции как-то проваливались. Перечня провалившихся конституций Западной Европы, может быть, не стоит и приводить. Заморские конституции пока что удержались. То, что они сделали после Первой Мировой войны, Уинстон Черчилль в своих новых мемуарах квалифицирует как "сложный идиотизм". Я не буду повторять его доводов. Если м-ру Черчиллю удастся написать мемуары о Третьей Мировой войне и о том периоде, который ей предшествовал, — трудно сказать, какую еще формулировку придется искать м-ру Черчиллю. Вероятно, что-то вроде шизофрении...

Оценивая мировую историю не только последнего столетия, нужно сказать, что все эти "писаные конституции" жили и работали до тех пор, пока жизнь не ставила перед ними ни одной серьезной задачи. Когда жизнь эту задачу ставила — то или конституции проваливались или конституции предавались тому, что м-р Черчиль назвал сложным идиотизмом Неписаная конституция Москвы прожила — с перерывами и провалами около одиннадцати веков и не столько провалилась в феврале 1917 года, сколько в минуту жизни трудную была подстрелена из-за угла. Одиннадцать веков — это вещь, о которой стоит все-таки поговорить всерьез: не каждая конституция может похвастаться таким возрастом, а также и такими успехами. Можно, конечно, сказать, что за тысячу лет эта конституция достигла своего предельного возраста, что пора ей было на покой, что нужно было дать дорогу молодым силам Милюкова, Керенского и Сталина и

другой, иностранцам въехать в Россию. В Ливонии составился как бы заговор против Москвы в том смысле, чтобы как можно дольше и как можно крепче держать ее изолированной и от морей и от Запада. Но ко времени Иоанна IV Ливония от внутренних распрей стала слаба. Царь учел два момента, — неотложную необходимость Москвы стать на морском берегу, **вернув** (это слово мы подчеркиваем) обратно русские земли в Прибалтике и, таким образом, наконец-то, развернуть Московскую Русь до ее естественных на Западе пределов.

Так как Ливонский Орден не мог или не хотел аккуратно выплачивать дань Москве, то в 1558 году Царь двинул в Ливонию свои войска, которые в течение двух лет разорили почти всю страну за исключением крупных, хорошо укрепленных городов и замков. И Ливония распалась, ее южные земли отошли к Литве, а северные к Швеции.

Здесь интересно привести замечательное письмо Иоанна датскому королю, объясняющее причины московского похода на Ливонию:

"Все ливонцы, — писал Царь, — от прародителей наших извечные наши данники. Уже шестьсот лет тому назад, как Великий Государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и, в свое имя, поставил город Юрьев. В Риге и Колывани (Ревель) церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани положил".

С этим письмом хочется сопоставить нижеследующее рассуждение из Ливонской рукописи относительно присоединения части Ливонии к Литве, тогда находившейся в унии с Польшей:

"Ливония знаменита своим приморским положением, обилием гаваней. Если эта страна будет принадлежать королю, то ему будет принадлежать и владычество над морем.

"О пользе иметь гавани в государстве засвидетельствуют все знатные фамилии в Польше. Благосостояние частных людей увеличилось необыкновенно с тех пор как королевство получило во владение **русские гавани...**

"Если мы отвергнем Ливонию то эта славная своими городами, крепостями, судоходными реками и плодородием страна перейдет к опасному соседу... Вместе с московитянами должны быть изгнаны и шведы, которых могущество опасно для нас, но прежде надо покончить с Москвой".

Из городов Ливонии Иоанну в 1560 году удалось взять только Нарву, расположенную при впадении вытекающей из Чудского озера реки Наровы в Финский залив. Когда ливонские послы обратились к Царю с предложением оставить Ливонию и, в частности Нарву, намекая, что Иоанну придется иметь дело, при возможном разделе Ливонии, и с Литвой и со Швецией, Царь твердо заметил:

—Я завоевал Нарву и буду пользоваться своим счастьем.

Из этой одной фразы уже видно, насколько высоко Иоанн IV ценил выход Московской Руси к морю и как глубоко он понимал значение Нарвы для вступления Москвы в непосредственное сношение с Западом. Царь ясно отдавал себе отчет в том, что, затевая поход на Ливонию, Москва лишь **возвращала** те приморские земли, которыми она, как это отмечает проф. Платонов (СПБ., 1911, стр. 2117), "владела целые века и хотя плохо ими пользовалась, но дорожила ими".

Что целью пробиться к морю была не только торговля, видно по одному тому, что Москва, начиная с Иоанна III, усиленно приглашала и ввозила с Запада "всяких знающих людей".

Например ,в Москву приглашались и приезжали

1) Иностранные офицеры для обучения московских людей военному строю и организации регулярного кадрового войска. Были созданы целые полки "солдат", "драгун" и "рейтаров".

2) Иностранные техники, которые формировали на Московской Руси изыскательные отряды для поисков в разных частях нашей страны металлических руд — железа, меди, серебра и золота. Розыски были успешны и уже при Царе Михаиле стали возникать правильно налаженные заводы литейные и оружейные, например, Виниуса и Марселиса в Туле.

3) Иностранные доктора, наряду с Царской Семьей лечившие и всю московскую знать, — они же открыли, вернее, расширили и как бы заново поставили в Москве первую казенную аптеку, которая фактически была организована уже при Иоанне IV-ом. Аптекарское дело с середины XVI века было сосредоточено в Московской Аптекарской Палате, работа которой особенно процветала при Борисе Годунове, когда стали разводиться специальные аптекарские сады для выращивания целебных трав.

4) Иностранные мастера разных специальностей, — им платилось хорошее жалование, они были близки ко Двору и что-то неизвестно, чтобы кто-нибудь из них порывался вернуться на Запад.

5) Даже ученые астрономы приглашались в Москву, среди которых знаменитый географ Олеарий (Голштинец) на том простом основании, что "в Москве и такие люди надобны"...

Короче говоря, к концу царствования Царя Михаила в подмосковной "немецкой" слободе жило до тысячи иностранных, главным образом, протестантских, семейств из разных европейских стран.

Возвращаясь к деятельности Царя Иоанна IV в направлении к Балтийскому морю, необходимо отметить следующий весьма характерный факт. В 1562 году он собрал войско в 300 тысяч человек и двинулся на Полоцк, который и взял в 1563 году и, таким образом, отрезал Литву от Ливонии.

При возобновившихся мирных переговорах Царь соглашался уступить Литве все, даже завоеванную Курляндию с Виндавой и "умалить" свой царский титул. лишь бы сохранить за Москвой Полоцк, стоящий на правом берегу Западной Двины, и Ригу, расположенную в устье Зап. Двины на берегу Балтийского моря, то есть Ливонию в ее "водной части". Литва не соглашалась, а Царь не отступал от своих требований, ибо понимал, что один отдаленный архангельский порт не решал задачи о выходе к морю.

Но прежде чем принять окончательное решение, Иоанн запросил мнение "Всей Земли". В 1566 году он собрал в Москве Земский Собор из представителей служилых и тяглых людей и спросил его, как быть дальше,— мириться с Литвой или продолжать войну?

Вот как, единодушно Собор ответил Царю:

"За ливонские города, которые король взял в оберегание (то есть, в свою власть), Государю стоять крепко, а мы, холопы Его, на Государево дело готовы...

Велико смирение Государское. Во всем он уступает... Уступает королю пять городов в Полоцком повете, за Двиною ливонских городов шестнадцать, да по сю сторону пятнадцать. Отпускает пленных полочан, выкупая своих.

Больше ничего уступить нельзя!

А ливонская земля от прародителей ,от Великого Князя Ярослава Владимировича принадлежит нашему Государю и наш совет, что Государю нашему от тех городов ливонских отступиться не пригоже, а пригоже за них стоять..."

Началась долгая Ливонская война.

(Продолжение следует).

М. М. Спасовский.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

—Чистая работа, — хладнокровно согласился товарищ Сорокин, — а откуда были слышны выстрелы?

—Этого я не знаю, я в кухне была.

Товарищ Сорокин довольно внимательно осмотрел и убитого, и его рану, и его положение, но никаких следственных выводов сделать из всего этого не смог: высунулся человек и получил пулю в лоб. И так как было неизвестно, насколько именно он высунулся, то нельзя было установить откуда именно стреляли — даже и пулевая дыра в стенке не давала никакого ответа на этот вопрос.

Товарищ Аграфена очень коротко и очень деловито рассказала о том, что именно произошло. Товарищ Сорокин выразил желание немедленно опросить товарища Чикваидзе. Товарищ Аграфена пренебрежительно пожала плечами:

—Не стоит. Сегодня утром пришел домой уже в полпьяна. Теперь, надо полагать, и вовсе пьян.

Тем не менее, товарищ Сорокин долго стучал и звонил в дверь товарища Чикваидзе, которому по этому поводу снова приснилось вооруженное вторжение Серафимы Павловны, и он проснулся с чем-то вроде холодного пота на лбу. Открывать или не открывать? Но стук и звонки были очень настойчивыми, и, кроме них, с лестницы доносился гул возбужденных женских голосов.

Товарищ Чикваидзе с трудом сквозь хмель и сон сообразил, что что-то такое все-таки случилось. Проклиная все и вся, он не без труда поднялся с кровати и с еще большим трудом дополз до двери. За дверью ему опять показался призрак Серафимы Павловны. Он открыл дверь, но оставил ее держаться на цепочке и выглянул в образовавшуюся щелку. Вместо Серафимы Павловны, перед дверью стоял товарищ Сорокин.

—Ты совсем или не совсем пьян?— не без некоторого сочувствия спросил товарищ Сорокин.

—Не выспался,— уклончиво ответил товарищ Чикваидзе, — выпил и лег спать.

—Угу,— сказал товарищ Сорокин, — а ты знаешь, что твою Серафиму опять ранили?

—Несчастный я человек, — довольно неожиданно ответил товарищ Чикваидзе.

—Почему несчастный?

—Почему ее не убили? Опять на мою шею сядет!...

—Ну, это уж твое дело семейное. А товарища Гмыра — убили...

—Кто?

—Вот в том и вопрос. Ты ничего не слыхал?

—Я же говорю, пьян был, и спал, ничего не слыхал.

—Положим, о том, что ты пьян, ты ничего не говорил, да и без разговоров видно. Словом, ничего не слыхал?

—Ничего.

—Ну и пошел дальше спать.

Товарищ Сорокин спустился этажом ниже и долго звонил и стучал в дверь квартиры товарища Иванова, но эта квартира не проявляла никаких признаков жизни. —"Значит, нет дома,—

ЮБИЛЕЙ ХОРА АРТИСТОВ п/упр. Д. М. АВРАМЕНКО

14 декабря с .г. Хор Артистов под управлением Д. М. Авраменко празднует четырехлетие своего пробывания в Аргентине. За это время хор проделал огромную работу. Многочисленные концерты по всем городам Аргентины познакомили страну с русским хоровым пением, русской музыкой и с русскими национальными костюмами. В программу концертов хора всегда включалась и русская духовная музыка, производившая особенное впечатление на аргентинцев. В г. Кордоба, по просьбе Кардинала, был дан специальный концерт духовной музыки.

Хор был снят на фильм в национальных русских костюмах, демонстрируемых по телевидению. Граммофонные пластинки хора можно найти во многих аргентинских домах. 15 октября хор выступал в театре "Колон". В недалеком будущем на экранах Аргентины будет домонстрироваться большой антикоммунистический фильм "Дель отро ладо", с участием хора.

Вот краткий перечень работы хора, непрерывно расширяющего свой репертуар.

Ко "Дню Русской Культуры" хор подготовил сцены из опер "Евгений Онегин" и "Жизнь за Царя", исполненные в костюмах и в декорациях художника А. А. Соколова.

В воскресенье, 14 декабря с. г. в 16 часов на Вижа Бажестер (Сан Мартин 344) состоится Юбилейный Концерт Хора. Приглашения у артистов хора.

Н. П.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 143 "Нашей Страны" было напечатано, как, вероятно, помнят наши читатели, письмо в редакцию: **"Самооправдание или критика",** полученное из Тегерана, от известного редакции лица, и подписанное им псевдонимом **А с л а н - б е к . (Тегеран).**

В связи с этим обстоятельством, г. Асланбек, проживающий в Буэнос Айресе, обратился в редакцию с письмом, в котором протестует, что статья, автором которой он не является, подписана **его** именем.

Мы крайне с жалеем об этом **случайном совпадении имен** и **категорически заявляем,** что наш корреспондент из Тегерана **не имеет абсолютно ничего общего** с проживающим в Буэнос-Айресе г. Асланбеком.

Р е д а к ц и я .

П О Д П И С Ы В А Й Т Е С Ь Н А "Н А Ш У С Т Р А Н У"

Р о з ы с к и

Вера Семеновна **ЯСЬКОВА** разыскивает своих станичников станицы Константиновской Кубанской Области. Писать по адресу:

A. Iaskow
Rua Ministro Fermino
Whitacker No. 19, apart. 38
Sao Paulo, Brasil

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией "Нашей Страны" или ее представителями на местах.

"Н А Ш А С Т Р А Н А" в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвеар.

Вышла из печати и поступила в продажу

Иван Солоневич
Н а р о д н а я М о н а р х и я
Часть 3-ья
КИЕВ И МОСКВА
Цена 1.50 ам. долл.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

N U E S T R O P A I S
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

П Р Е Д С Т А В И Т Е Л И

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 8405 Correio Central, Sao Paulo.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. **USA.**

Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.

Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 10733 — 117 str., Edmonton, Alta.

Mr. L. D. Kostyria, 43, Birch Ave, Toronto 5, Ontario.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.

Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s|Seine, Seine.

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.

Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires

решил товарищ Сорокин, — только, куда он мог деваться?"

Чины МВД, рассыпавшиеся по улице, не знали, что собственно им делать. Квартал был привилегированным. Во всех домиках, домах и особняках жили крупные работники МВД. Почти напротив общежития был даже и особняк товарища Медведева. Лезть туда с обысками и прочим было бы непредусмотрительно. Под одним из заборов нашли две стреляных гильзы маузеровского пистолета. Место находки обозначили колышками. Товарищ Сорокин попытался что-либо узнать у Серафимы Павловны, но та была почти без сознания. Выругавшись, товарищ Сорокин зашел в ближайшую квартиру и некоторое время провел у телефона. Прибыл санитарный автомобиль, погрузил на одну из коек мертвое тело товарища Гмыра, и на другую — полумертвое тело Серафимы Павловны. Товарищ Сорокин выйдя из общежития, приказал своим сотрудникам оставаться на месте, наблюдать за окрестностью и ждать дальнейших распоряжений. Сам он втиснулся на шофферское сиденье санитарного автомобиля, который направился к дому номер тринадцатый. От тряски на ухабах мостовой Серафима Павловна кое-как пришла в себя. Придя в себя, обнаружила прямо перед собой чье-то мертвое лицо с простреленной головой и пришла к твердому убеждению, что на этот раз она окончательно попала на тот свет. С этой мыслью Серафима Павловна снова потеряла сознание.

***

Товарищ Сорокин сидел у постели товарища Медведева и с деловитой краткостью докладывал последнему о происшествиях в общежитии и около него. Повествование об изгнании Серафимы Павловны вызвало у товарища Медведева легкий приступ веселости:

—Вот, расхрабрился наш товарищ Чикваидзе, прямо в герои Советского Союза метит...

Но, по мере дальнейшего изложения, веселость товарища Медведева начала иссякать. Все это получалось по меньшей мере странно. Веселость иссякла совсем, когда дело дошло до маузеровских гильз.

—А откуда, по вашему, мог стрелять неизвестный злоумышленник,— спросил он товарища Сорокина.

—Это трудно установить с точностью. Он мог стоять у забора — за деревом, мог сидеть на заборе и мог стрелять из-за забора.

—А забор-то чей?— спросил почему-то не без некоторого раздражения товарищ Медведев.

—Вот в том-то и дело, — ответил товарищ Сорокоин, —это забор вашего особняка.

Товарищ Медведев почувствовал, — пока еще очень смутно, что дело начинает принимать какой-то очень скользкий характер. Забор его особняка? Что за всем этим может скрываться?

—А вы обследовали забор и место за забором?

—Никак нет, товарищ Медведев, без вашего разрешения это было бы не совсем удобно.

Товарищ Медведев слегка закашлялся.

—Вы сделали ошибку, товарищ Сорокин... Да, да, я понимаю, но все-таки ошибку. Сейчас же возьмите с собой следственную группу и самым тщательным образом осмотрите забор... И особняк — тоже. Там живет моя кухарка и моя... экономка. Но, может быть, и хне было дома. Или спали. Перед самым забором нет никаких следов?

—Никак нет, никаких — там вымощено булыжником.

—Тэ-эк-с, — сказал товарищ Медведев, — дело, я полагаю, принимает очень запутанный характер.

—Точно так.

В дверь постучали. Вошел жовиальный доктор.

—Разрешите доложить, товарищ Медведев — ничего особенного, так сказать, ветчина несколько прострелена, кость не задета... Правда — нервный шок, осложненный предыдущим ранением, семейной неприятностью, — но ничего мало-мальски угрожающего.

—А говорить с ней сейчас можно?

—Да, можно. Я дам ей успокаивающую инъекцию, на десять минут она придет в себя и потом заснет.

—А как генерал Буланин?

Жовиальный доктор искоса посмотрел на товарища Сорокина.

—Можете говорить. Как с ним?

—Собственно говоря — агония. Может быть, до вечера еще будет жить. Все о каких-то папиросах говорит в бреду.

—Так я сейчас к товарищу Гололобовой.

Товарищ Медведев тяжело, с помощью доктора и товарища Сорокина, поднялся на ноги. Проходя к двери он мельком взглянул на себя в зеркало. Из зеркала смотрела пожелтевшая, опухшая физиономия с синевой и мешками под глазами и с выражением плохо скрытого страха в этих глазах.

"Опустился, черт меня дери, сказал про себя товарищ Медведев. Нужно взять себя в руки. Нужно взять себя в руки".

Он даже и про себя не договорил о том чувстве, все больше и все ближе нависающей смертельной опасности, в какую его все глубже и глубже втягивала вся эта светловская история.

Жовиальный доктор извинился: он пройдет вперед, сделает инъекцию и потом вызовет товарища Медведева. Товарищ Медведев остался стоять в коридоре. Товарищ Сорокин сейчас же уехал продолжать свое следствие. Товарищ Медведев еще раз посмотрел на себя в зеркало, прибитое к коридорной стене, и еще раз отметил то чувство сдавленного страха, которое виднелось в его глазах. Было ли видно это чувство и другим? Нет, нужно взять себя в руки...